

ЖЕНЩИНЫ И ФАШИЗМ

НАЦИСТСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА И ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Гизела Бок

Национал-социалистическая партия пришла к власти в 1933 г., когда Гитлер был назначен канцлером *страны*. Он получил 33 % голосов на парламентских выборах в ноябре 1932 г., последних свободных выборах, потеряв 4 % по сравнению с предыдущими выборами в июле 1932 г. «Гитлеровское движение» (такое название оно имело при голосовании) обещало освободить германскую нацию от унижительных условий, навязанных ей Версальским договором 1919 г., и справиться с тяжелым экономическим кризисом конца 1920-х-начала 1930-х гг. Чтобы достичь этих целей, было необходимо ликвидировать Веймарскую республику и установить истинную народную, или этническую, общность (*Volksgemeinschaft*). «Гитлеровское движение» призывало одновременно и к уничтожению классовых конфликтов, и к возрождению единства, самосознания и могущества нации. С самого начала и в течение всей избирательной кампании обе эти цели звучали не только на языке традиционного национализма и классового сотрудничества, но также и в терминах расизма. Германии угрожало расовое вырождение, виновниками которого были, главным образом, евреи (объявленные капиталистами и, одновременно, марксистами и большевиками), но также и цыгане, славяне, негры и другие нежелательные и «расово низшие» меньшинства, которые угрожали телу народа, или расы (*Volkskörper*), его силе, его здоровью и его превосходству.

В этом символическом универсуме гендерные элементы играли важную роль. Самовосприятие национал-социалистического движения и режима было откровен-

Перевод с английского Натальи Пушкаревой

© Gius.Laterza&Figli

но мужским. Его пропаганда описывала мужчин-евреев как насильников и сводников; в более общем плане экономический и политический антисемитизм шел рука об руку с «сексуальным антисемитизмом»¹. Женщины, находившиеся на «полноценной» стороне расового водораздела, рассматривались как «матери народа», а находившиеся на другой стороне – как «вырождающиеся» и «низшие». «Подходящие» женщины должны были в качестве матерей способствовать национальному возрождению, производя много детей, поскольку рост рождаемости являлся желательным после длительного периода его спада. «Неподходящие» женщины считались недостойными иметь потомство. В 1930 г., спустя шесть лет после того, как Гитлер обрушился на еврейских женщин в *Майн Кампф* и призвал стерилизовать миллионы «низших», один из его идеологов «крови и почвы» разделил женский пол на четыре категории: женщины, которых нужно поощрять рожать детей; тех, против детей которых не следует возражать; тех, кому было бы лучше не иметь их; и тех, кому нужно было препятствовать производить потомство путем стерилизации. До 1933 г. национал-социалисты не были единственными, кто проповедовал такие евгенические и расово-гигиенические различия. Например, один влиятельный социал-демократ считал, что треть немецкого населения являлась «низшей» и недостойной иметь детей; определенное число женщин, в том числе небольшая группа феминисток радикального направления, также требовало евгенических реформ, включая принудительную стерилизацию². Но только национал-социализму было суждено превратить такие идеалы и воззрения в сложную, целостную и систематическую практику расовой политики, которая в течение лишь нескольких лет привела к беспрецедентному уничтожению «низших».

Хотя в последние годы Веймарской республики и в первые годы нацистского режима многие люди, включая тех, кто голосовал за нацистов, не верили в это, расизм – особенно антиеврейский расизм – был ядром национал-социалистической политики. Следовательно, расизм также являлся и ядром национал-социалистической гендерной политики. Большинство исследований, посвященных женщинам в нацистской Германии, не затрагивает проблему расизма, а исследователи нацистского расизма, как правило, не касаются проблемы женщин, тем не менее очевидно, что ни нацистский расизм не был гендерно нейтральным, ни нацистская гендерная политика не была расово нейтральной. И хотя ясно, что не все женщины переживают одну и ту же историю, различия в истории женщин при нацистском режиме были столь же глубокими, как различие между жизнью и смертью. Конечно, национал-социализм имел и другие характерные черты, помимо расизма. Но именно расизм был его основой, и им пытались пропитать все поры общества. Во многих других областях режим проявлял относительную гибкость и способность к адаптации. Он не колебался пересматривать многие из его фундаментальных принципов, когда это казалось выгодным, в том числе его политику по отношению к «полноценным» женщинам. Однако он никогда не отказывался от своих расистских принципов, включая их гендерное выражение и политику по отношению к «низшим женщинам».

От антинатализма к геноциду: гендерное измерение национал-социалистического расизма

Примерно половину жертв нацистского расизма составляли женщины. Законы от 7 и 25 апреля 1933 г. изгнали, вместе с политическими противниками, евреев-мужчин и женщин с гражданской службы (включая многих учительниц-евреек; мужчины-неевреи могли быть уволены, если они были женаты на еврейках) и из университетов, где процент женщин среди студентов-евреев был выше, чем среди студентов-неевреев. Еврейские женщины, так же как и мужчины, стали жертвами первых антиеврейских мер, направленных на сегрегацию евреев и их исключение из политической, профессиональной, экономической и культурной жизни. Равным образом, евреи обоих полов были жертвами расовой политики, когда она перешла от политической, экономической и культурной дискриминации к покушению на их тело и жизнь. В 1938 г. почти половину из девяноста евреев, убитых во время ноябрьского погрома (*Хрустальная ночь*), составляли женщины³. Евреи обоих полов оказались среди жертв политики государственного контроля над рождаемостью, или антинатализма, которая призывала к принудительной стерилизации «расово неполноценных» ради «расового возрождения».

В июне 1933 г. министр внутренних дел произнес программную речь о расовой и демографической политике. Он нарисовал картину «культурного и этнического упадка», вызванного влиянием «чуждых рас», особенно евреев. Нации угрожало «расовое смешение» со стороны почти миллиона людей с «наследственными физическими и психическими болезнями», со стороны «слабоумных и низших» людей, чье «потомство более не было желательным», особенно, когда доля их рождаемости была выше среднего. Он полагал, что целых 20 % населения в Германии, т.е. двенадцать миллионов человек были нежелательны в качестве отцов и матерей; наоборот, процент рождаемости «здоровых немцев» должен возрасти на 30 % (около трехсот тысяч в год). «Чтобы увеличить число детей со здоровой наследственностью, наш первый долг – помешать появлению детей с дурной наследственностью»⁴. Две недели спустя антинатилистская часть этой программы стала первым национал-социалистическим законом, касающимся демографической политики. Он предписывал евгеническую стерилизацию, и если это будет необходимо – насильственную и с помощью полиции. Правительство подчеркивало, что «биологически низший наследственный материал» должен быть искоренен, особенно среди «бесчисленных низших» людей, которые бесконтрольно размножались. Стерилизация «должна привести к постепенному очищению этнического тела», и чтобы достичь этой цели необходимо стерилизовать полтора миллиона человек, причем четыреста тысяч из них – как можно скорее. Из этих четырехсот тысяч подвергшихся стерилизации в течение последующего десятилетия (не считая неизвестного числа случаев вне рамок этого закона) половину составляли женщины,

которые вместе с мужчинами составляли 1 % тех, кто находился в возрасте, благоприятном для зачатия и деторождения. Для этого было создано двести пятьдесят специальных судов по стерилизации с участием юристов, психиатров, генетиков, антропологов и врачей. Были реорганизованы в нацистском духе медицинские учреждения в соответствии с законом и под контролем государства, чтобы искать среди населения кандидатов на стерилизацию. Попытались провести гигантскую пропагандистскую кампанию, правда, не очень успешную, чтобы убедить немцев в необходимости и полезности антинатализма. Никогда до этого в истории не было государства, которое бы соединило теорию, пропаганду и политико-институциональную практику в целях осуществления антинаталистской политики в таких масштабах, ставшей «предвестницей массового уничтожения»⁵. До недавнего времени феминистская историография ошибочно рассматривала национал-социалистическую политику по отношению к женщинам как «культ материнства» и поэтому серьезно не интересовалась ни размахом расистского антинатализма, ни женщинами, ставшими его жертвами.

Большинство стерилизаций совершалось на основании умственного или психического расстройства: реальные или предполагаемые случаи слабоумия, шизофрении, эпилепсии и маниакально-депрессивных нарушений. Закон о стерилизации не применялся исключительно к евреям, цыганам, неграм и другим «чуждым» расам, но они оставались его объектом (хотя Гитлер какое-то время считал, что чуждые расы не заслуживают «расового улучшения» с помощью стерилизации). Политика стерилизации была составной частью национал-социалистической расовой политики, на что часто указывали нацистские лидеры. «Очищаясь» от чуждых рас и народов, нацисты стремились одновременно «регенерировать» немецкую нацию путем дискриминации «низших» внутри собственного народа. Такая регенерация была необходима для создания «расы господ», которой еще не существовало, но которую нужно было «вывести». Существовало специальное постановление о стерилизации цыган и черных немцев как в рамках, так и вне рамок закона 1933 г. Считалось, что немецкие евреи особо подвержены шизофрении, а евреи Восточной Европы – слабоумию. Показателен пример с одной немецкой женщиной-еврейкой в Берлине. В 1941 г. она была стерилизована под предлогом шизофрении, о которой, по мнению судей, свидетельствовали «депрессия» и попытка к самоубийству. Ее душевное состояние, по всей видимости, было естественным; это произошло в тот год, когда количество самоубийств среди евреев драматически возросло, поскольку их, уже доведенных до крайней нищеты, заставили носить желтую звезду и начали депортировать в лагеря смерти. В марте 1942 г. евреев исключили из обычной узаконенной процедуры стерилизации. Но в некоторых лагерях по приказу Гимmlера испытывались, прежде всего на еврейских и цыганских женщинах, новые методы массовой стерилизации (через инъекцию в матку). После ожидаемой победы такие маточные инъекции планировалось применить для всех евгенически и этнически нежелательных женщин в Европе⁶.

Закон о стерилизации применялся по отношению к обоим полам, хотя первоначально некоторые эксперты хотели пощадить женщин, ибо их стерилизация предполагала серьезную операцию с сопутствующими рисками, что могло вызвать всеобщее сопротивление. Как оказалось, политика стерилизации на самом деле была далека от того, чтобы быть гендерно нейтральной. Хотя женщины насчитывали только половину жертв стерилизации, они составляли 90 % из тех нескольких тысяч, кто умер от нее – часто из-за того, что они пытались сопротивляться до последнего момента – и эти смерти иногда сравнивали с самопожертвованием мужчин, сражавшихся за свою родину на фронте. В более общем смысле политика стерилизации была официально провозглашена как «приоритетная задача государства в сфере жизни, брака и семьи», в которой «неполитическое» стало «политическим»⁷, – в сфере, особо касавшейся женщин и связанной с проблемами зачатия, рождения и кормления детей. Многие женщины, особенно молодые, пытались забеременеть до операции, и эта форма сопротивления стала *важной* настолько, что власти дали ей имя «протестная беременность» (*Trotzschwangerschaften*). Ей был поставлен предел в 1935 г., когда закон и стерилизации распространили и на аборт; аборт теперь могли подвергать по евгеническим причинам до шестого месяца беременности, и они дополнялись принудительной стерилизацией.

Среди «нежелательных» наиболее значительной и в количественном, и в стратегическом плане была группа «умственно отсталых». Они составляли почти 2/3 прошедших стерилизацию, и почти 2/3 из них были женщины. Этот дисбаланс объясняется двумя причинами: во-первых, женщин отбирали для стерилизации на основании того, что даже те из них, кто не имел активных гетеросексуальных связей, могли забеременеть против своей воли путем изнасилования; во-вторых, существовало гораздо больше показателей для определения «низшей природы» у женщин, чем у мужчин, в том числе оценивались их гетеросексуальное поведение, трудовая деятельность, порядок в доме и обращение с детьми. Мужчин тестировали, главным образом, исходя из их поведения на работе. Например, одна женщина была направлена на стерилизацию из-за того, что «ее знания ограничиваются механически воспринятой информацией; она может приготовить различные блюда – такие, как пудинг, хлебную похлебку или рисовый суп, но только так, как это обычно делают дома». Одна еврейская девушка из Восточной Европы, работавшая уборщицей в еврейском госпитале в Берлине, была приговорена к стерилизации как «умственно отсталая», потому что ее работа носила «механический характер»⁸.

Нацистская пропаганда стерилизации, и расизма в целом, была часто нацелена специально на женщин, потому что считалось, что они оказывали ей наибольшее сопротивление; это подтверждалось данными тайных донесений полиции. Специфически гендерная пропаганда свидетельствует, что нацистский образ женского пола был диаметрально противоположен тому, как его воспринимали прежние женские движения. Женщинам объясняли, что «ВОЗРОЖДЕНИЕ», а не деторожде-

ние, ныне «стали целью государства». Женский «матернализм» был предметом расистской полемики и осуждался как «сентиментальный гуманитаризм», подобно христианской благотворительности и марксизму. Существовала «опасность, вызванная как раз матернализмом женщин, как и «женским инстинктом заботы обо всех, кто нуждается в помощи», ибо матернализм, «подобно всякой форме эгоизма, действует против расы». То, что «женщина в силу ее физических и психических черт» имеет «особую склонность ко всем живым существам», рассматривалось как «едва ли не самый большой грех против природы». В школьных учебниках для девочек только три страницы были посвящены прославлению германского материнства, а двенадцать – возможности стерилизации «чьего-то любимого ребенка» и запрету заключать браки с евреями, цыганами и другими народами с «низшей наследственностью». В 1935 г. антинаталистская политика пополнилась запретом на браки, ставшим еще одним способом предотвращения нежелательного потомства. Сентябрьские Нюрнбергские законы запрещали немецким евреям, цыганам и неграм вступать в брак или иметь сексуальную связь с «чистокровными» немцами. Еврейским женщинам, как и мужчинам, угрожали тяжелые наказания в случае их нарушения⁹. Дополнительный закон октября 1935 г. запрещал браки между стерилизованными и нестерилизованными.

Национал-социалистическая политика стерилизации, названная также «предупреждением жизни, не имеющей ценности», явилась шагом на пути к «уничтожению жизни, не имеющей ценности» (*эвтаназия*, или «акция Т 4»). Этот шаг был предпринят в 1939 г., в результате чего около двухсот тысяч больных, престарелых или инвалидов, как мужчин, так и женщин, в большинстве случаев пациентов психиатрических клиник, были убиты, после того как их отобрали в качестве «неизлечимых». Пациенты-евреи были уничтожены поголовно без всякой селекции; таким образом, программа эвтаназии оказалась также первой фазой систематического истребления евреев. Программа «Т 4» впервые использовала специальный умерщвляющий газ. Источником политики уничтожения был национал-социалистический антинатализм. Во-первых, эта политика стала результатом сформировавшейся в предшествующие годы психологии, воспринимавшей стерилизацию не как личный и свободный выбор, но как «гуманную» альтернативу уничтожению ради «тела народа». Стерилизация как «искоренение без убийства»¹⁰ служила политическим субститутутом «природы», которая путем «естественного отбора» (т.е. без вмешательства благотворительных организаций и медицины) препятствует выживанию «нежизнеспособным». Во-вторых, осуществление политики стерилизации уже делало врачей и психиатров привычными к физическому вмешательству такого рода и к связанному с ним смертельному исходу, в основном в отношении женщин. В-третьих, первыми жертвами запланированного уничтожения (1939-1940 гг.) стали как раз те пять тысяч детей-инвалидов младше трех лет, чьих родителей чиновники, ответственные за аборт и стерилизацию, не смогли в свое время выявить. И, наконец, многие из активных участников эвтаназии после 1939 г. и до этого поддер-

живали и осуществляли политику стерилизации; они сыграли важную роль в уничтожении евреев.

В конце 1941 г. камеры с газом Т 4 и мужская часть обслуживающего персонала были переведены из Германии в новопостроенные лагеря смерти на оккупированных восточных территориях, где их использовали для систематического и поставленного на индустриальную основу уничтожения миллионов евреев и цыган, как мужчин, так и женщин. Это перемещение явилось значимым в технологическом, психологическом и стратегическом плане. Оно также имело важное гендерное измерение, которое еще по-настоящему не исследовано. Сотни тысяч евреев были убиты, однако, до применения газа, в основном путем массовых расстрелов. Мужчины из СС, которые этим занимались, кажется, испытывали значительные «психологические трудности», особенно при расстрелах женщин и детей. Даже Генрих Гиммлер и Адольф Эйхман заболели, наблюдая за их казнями. Газовую технологию ввели в 1941 г. не только как средство ускорения массового уничтожения, но также потому, что она предлагала «подходящий метод», «гуманную» альтернативу кровопролитию, позволявшую избавить эсэсовцев от сомнений, имевших преимущественно специфически гендерную природу¹¹. Вот почему первые передвижные газовые фургоны (в России и Сербии) использовались, главным образом, для истребления женщин и детей, более же поздние источники обычно перечисляют их жертвы в следующем порядке – «мужчины, женщины и дети». Среди евреев, депортированных и убитых в новоорганизованных гетто в Польше, подавляющее большинство составляли женщины¹². Когда в конце 1941 г. начали действовать стационарные газовые камеры в Аушвице, первыми, кого сразу по прибытии отобрали для уничтожения, были преимущественно женщины, особенно с детьми – «каждый еврейский ребенок автоматически означал смерть для его матери» – тогда как у мужчин оставался шанс быть оправленными на каторжные работы. Почти две трети немецких евреев, депортированных и убитых в лагерях смерти, и 56 % цыган, посланных в газовые камеры Аушвица, составляли женщины¹³; доля женщин среди миллионов убитых навсегда останется неизвестной. Недавнее исследование о нацистских врачах в лагерях смерти выявило, что эти мужчины-врачи, превратившиеся в убийц, могли действовать в основном благодаря мужской общности, беспробудному пьянству и вере в «универсальный нацистский идеал мужественности»¹⁴.

Ведущие эксперты по уничтожению никоим образом не были безразличными к гендерным аспектам геноцида, как объяснил Гиммлер в речи в 1943 г.: «Мы столкнулись с вопросом: как быть с женщинами и детьми? Я решил найти здесь ясное решение. Я не считал себя вправе уничтожать мужчин (позвольте нам сказать, убивая их или заставляя их убивать), позволив их детям вырасти в мстителей». Таким образом, еврейских женщин убивали именно как женщин, т.е. как матерей будущего поколения. Но Гиммлер пошел еще дальше, поместив проблему уничтожения женщин в центр своего собственного определения геноцида: «Когда я

бывал вынужден где-нибудь, в какой-то деревне действовать против партизан и евреев-комиссаров... тогда я принципиально отдавал приказ убивать также их жен и детей... Поверьте мне, такой приказ было нелегко отдать и нелегко исполнить, как и логически осмыслить... Но мы должны всегда иметь в виду, что мы ведем расовую борьбу, первобытную, изначальную, естественную»¹⁵. В этом случае, национал-социалистическая расовая борьба (*Rassenkampf*), возведенная в свою крайнюю форму, была определена как смертельная борьба мужчин в первую очередь против женщин и детей. Некоторые историки увидели в женской составляющей такого определения расовой борьбы особенность национал-социалистического геноцида еврейского народа¹⁶.

Среди активистов нацистской расовой политики женщины составляли меньшинство, и они являлись меньшинством среди немецких женщин, хотя и особенно жестоким и энергичными. Наибольшую активность среди них проявляли обычно незамужние и бездетные; они представляли все социальные слои, за исключением высшего; их участие в осуществлении расовой политики, как и в случае со многими мужчинами, было связано преимущественно с их работой или профессией. При том что политика стерилизации находилась под полным контролем мужчин, некоторое число женщин-социальных служащих и врачей помогало отбирать кандидатов. Сестры, работавшие в шести центрах *этаназии*, ассистировали врачам при селекции и убийствах. Некоторые женщины с университетским образованием проводили вместе со своими руководителями-мужчинами исследования о цыганах и готовили обоснование для их селекции и уничтожения; с этой целью они использовали свою женскую способность проникать в мир цыган и в их культуру. Надзирательницы женских концлагерей в основном имели низкое социальное происхождение и добровольно шли на эту работу, которая позволяла им несколько подняться по социальной лестнице. Из всех активных участниц нацистского режима, они находились в наибольшей близости к эпицентру операций по уничтожению и несут за них ответственность; ошибочно полагать, что они «не играли никакой роли в деятельности нацистского государства»¹⁷. Кроме того, многие женщины работали рядом с мужчинами в разветвленной системе органов, занимавшихся геноцидом, тщательно регистрируя в рамках государственных и партийных организаций процесс определения, отбора, экспроприации и депортации евреев. Национал-социалистический расизм был не только *институционализирован* как государственная политика, но также и профессионализирован.

Некоторые историки считают, что немецкие женщины разделяют вину и ответственность за зло нацизма, поскольку они стремились оставаться лишь матерями и женами; это мнение долгое время являлось общим местом и основывалось на ошибочном предположении, что «среди преследуемых и арестованных подавляющее большинство составляли мужчины»¹⁸. Однако образ женщины как матери и супруги никогда не находился в фокусе нацистских представлений о женском поле и не был субстанциональной чертой национал-социализма. С самого своего

зарождения национал-социализм во многих отношениях отказался от этого образа, прежде всего в сфере расовой политики; именно эта политика, находившаяся в сердцевине национал-социализма, определила его новизну и специфику. Женщины, которые участвовали в ее реализации и были за нее ответственны, редко являлись матерями и не вели себя как матери или супруги; они скорее подчинились мужской стратегии в тех профессиональных сферах деятельности, которые были связаны с проведением расовой политики. <...>

Семейная политика, социальные реформы и национал-социалистическая система социального обеспечения

С момента своего возникновения и особенно во время избирательных кампаний начала 1930-х гг. национал-социализм выступал за возрождение и стабилизацию семьи, обещая полную занятость (по крайней мере, для мужчин-кормильцев) и всеобщую систему социальной защиты. Эти обещания звучали на фоне экономического кризиса, массового обнищания, развала семейной жизни и крайне высокого числа аборт, вызванных, главным образом, эпидемиями и нищетой. Они выражались в терминах национального и расового возрождения, в том числе в призывах к повышению рождаемости у «чистокровных немцев». Пропаганда и вытекающая из нее политическая практика включали элементы политики социальной защиты, семейной политики, пронагалистской политики и гендерной политики. Они осуществлялись с различной степенью интенсивности и эффективности, различными средствами и с различными результатами.

Нацистские призывы к возрождению семьи были обращены как к мужчинам, так и к женщинам. «Кампания по демографической политике», проводившаяся министром пропаганды Геббельсом в 1933-1934 гг., попыталась популяризировать одновременно и политику стерилизации, и идею, что «наш показатель рождаемости должен возрасти» и что «мать будет иметь, как и в древнегерманские времена, достойное место в общественной жизни и в семье». Министр внутренних дел выступил с осуждением свободных аборт (в речи 1933 г.) и подчеркнул, что «отношение к неродившейся жизни зависит не только от идеологии немецкой женщины и матери, но также от идеологии ее мужа, которого следует убедить, что его долг – создание семьи». Действительно, планировалось издать суровый закон против аборт, который пошел бы дальше параграфа 218 прежнего уголовного кодекса и основывался на идее, что аборт несет угрозу государству и расе. Но этот план оказался одним из тех, которые отложили из-за более важных проблем. После широкого обсуждения в правительстве власти высказались против такого закона; вместо этого закон 1935 г. разрешил аборт по медицинским и евгеническим основаниям (по решению врачей). В период нацистского режима было сделано около тридцати тысяч евгенических аборт, многие из них – принудительно, и все они сопровож-

дались насильственной стерилизацией. Но оказалось, что количество нелегальных аборт, которые вызывали огромную озабоченность властей, лишь немного сократилось по отношению к последним годам Веймарской эпохи. В 1933-1942 гг. число приговоров за незаконные аборты снизилось, по сравнению с 1923-1932 гг., на одну шестую (39902 осужденных, 70 % которых составляли женщины). Хотя кажется, что на практике политика по отношению к не принудительным абортам существенно не менялась в течение всего нацистского периода по сравнению с предшествующими и последующими годами. Лишь в 1943 г. ввели смертную казнь для тех, кто совершает такие операции (но не для самих женщин), которые «постоянно вредят жизни немецкого народа»; очевидно, он применялся только к врачам из Восточной Европы, которые делали аборты немецким женщинам¹⁹.

Одним из репрессивных средств, призванных возродить семью, стала яростная кампания, развязанная против уличных проституток (Гитлер уже назвал их символами «евреизации» и «маммонификации» нашей эмоциональной жизни»). Ссылаясь на закон о «защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. (законодательная основа для рождающейся диктатуры), криминальная полиция арестовала сотни тысяч проституток. Но начиная с 1939 г. проституция стала поощряться: правда, не в свободном варианте, а в борделях, предназначенных для военных, в концлагерях для некоторых привилегированных заключенных мужчин-рабочих (большинство женщин привозилось из других концлагерей) и в трудовых лагерях для иностранных мужчин-рабочих, которым предоставляли женщин той же национальности²⁰.

Чтобы способствовать стабилизации семьи, репрессивные методы были дополнены позитивными шагами. Правительство ввело новые меры государственной социальной помощи для поддержки тех, кто хотел иметь детей, в надежде (которую в то время разделяли в других странах), что экономическая поддержка поможет им сделать этот выбор. С этой целью были осуществлены три главных социальных реформы. В 1933 г. учредили брачные ссуды для мужей, чьи жены оставляли работу после вступления в брак (но с 1936 г., после достижения полной занятости, замужним женщинам позволяли и даже заставляли сохранять свою работу); эта ссуда давалась под низкий процент, который снижался на 1/4 за рождение каждого ребенка, т.е. после рождения четвертого она аннулировалась. Одной из главных целей реформы было снизить брачный возраст мужчин и тем самым уменьшить их потребность в проституции. Во-вторых, глава семьи получал налоговые скидки на доходы и на наследство при наличии жены и детей. Эти скидки были введены в 1934 г. и их размеры возросли в 1939 г. вместе с увеличением налога на бездетных. В-третьих, в 1936 г. было учреждено ежемесячное детское пособие, выплачивавшееся государством после рождения пятого ребенка; через два года родители получили право на субсидию уже после появления третьего ребенка. Такие меры не были исключительно немецкими; брачные пособия в 1930-х гг. были введены в Италии, Швеции, Франции и Испании, и подобные меры в

сфере налогов и государственных детских пособий осуществлялись большинством европейских стран в 1930-х и 1940-х гг.²¹

Тем не менее немецкая государственная политика оставалась во многих отношениях уникальной. Речь идет не столько о том, что государство не могло покрыть расходов на беременность и воспитание детей (они не должны «были превратиться в доходный бизнес»), хотя во многих других странах детские пособия выплачивались, начиная с рождения первого или второго ребенка. В нацистской Германии рождение детей рассматривалось как общественное дело, но соответствующие расходы оставались частной проблемой (в отличие от непомерных трат государства для предупреждения родов). Более специфической чертой стало то, что все семейные пособия выплачивались не женам и матерям, а мужьям и отцам. По словам одного нацистского министра, «отцовство есть понятие, происходящее из извечного закона природы», и «понятие «отец» – однозначно и должно находиться в центре финансовых мер». Цель субсидий заключалась не в повышении статуса матерей по отношению к отцам, но, как подчеркивал министр финансов, в повышении статуса отцов по отношению к холостякам. Отцовство воспринималось как «естественное» и поэтому заслуживало социальной награды, особенно через значительные налоговые льготы; одинокие матери получали пособие на детей, если только их отцы были известны и признаны властями. Но самой важной и самой характерной чертой стало то, что ни одна из этих мер не имела всеобщего применения: из сферы их действия были исключены родители или дети, считавшиеся евгенически или этически «ущербными»²². На самом деле, детских пособий пришлось ждать до того, как были разработаны критерии желательных детей и принято соответствующее законодательство: закон о стерилизации 1933 г., Нюрнбергские законы 1935 г. и закон 1935 г. о запрете второго брака. Ведомство по брачным ссудам стало главным органом для определения кандидатов на стерилизацию²³. В широком контексте нацистского расизма эти меры семейной поддержки были, по сути дела, элементом не политики помощи семье, но демографической политики в строгом смысле слова: никакой помощи «нежелательным» и поддержка «наследственно здоровой немецкой семьи».

В то время как национал-социалистическое государство концентрировало усилия на поддержке отцов, национал-социалистическая партия предлагала некоторые льготы также и матерям; но и государство, и партия исключали «низших» обоих полов. Немецкий Трудовой Фронт, филиал партии и отдельные работодатели оказывали определенную поддержку работающим матерям. Партийная благотворительная организация – «Национал-социалистическое Народное Общественное Вспомоществование» (*Nationalsozialistische Volkswohlfahrt*) – имело в своем составе отдел «матери и ребенка». Его глава Эрих Хильгенфельдт утверждал, что хорошая мать служит своим детям из любви, а не из-за денег; «как только она начинает требовать вознаграждения за свои усилия, она перестает быть хорошей матерью». «Народное Общественное Вспомоществование» предлагало скромную

помощь «полноценным» многодетным матерям, беременным женщинам и вдовам, разведенным и незамужним матерям; эта *организация* помогала им найти работу, создавала детские сады, обеспечивала проведение каникул вне дома и покрывала расходы на роды и кормление. Ее деятельность финансировалась не из государственной казны, а за счет членских взносов (они были значительны, ибо в этой организации состояло около пятнадцати миллионов членов, поскольку многие немцы предпочитали вступать в ориентированное на благотворительность «Народное Общественное Вспомоществование», чем в партию), сборов и других денежных поступлений²⁴. Поскольку поддержка материнства «Народным Общественным Вспомоществованием» фокусировалась на «полноценных» из бедных слоев, Гиммлер в 1936 г. создал другую организацию – «Лебенсборн» – для помощи матерям, имевшим детей от мужчин, которые считались принадлежавшими к расовой элите, в большинстве своем эсэсовцев, чтобы таким образом удержать их от аборт. «Лебенсборн» не являлся ни институтом, предназначенным для принудительного производства потомства, ни эсэсовским борделем. Эта организация создала прекрасно оснащенные родильные дома (семь в Германии, позже шесть в Норвегии, один в Бельгии и один во Франции). В Германии около двух тысяч женщин родили в таких домах, начиная с 1936 г. (добавим шесть тысяч женщин в оккупированной Норвегии во время войны), и две трети из них были одинокими матерями. Прежде чем быть принятыми в подобный родильный дом, женщины и их отцы проходили этническую и евгеническую экспертизу. С 1939 г. эти родильные дома в Германии использовались для приема «полноценных» детей из оккупированных территорий на Востоке, которых похитили или чьи родители были убиты²⁵.

Большая часть матерей не получала существенной помощи, и их чтили только на словах. Лига Многодетных Семей, созданная первоначально в ходе революции 1918-1919 гг. и боровшаяся за предоставление социальных льгот многодетным и бедным семьям, была в 1935 г. инкорпорирована в Бюро расовой политики нацистской партии; отныне она могла только пропагандировать расовую политику нацистов, но не располагала средствами для поддержки бедных семей. Она рассматривалась как элитарная организация «арийцев со здоровой наследственностью и упорядоченными семьями», и руководитель Бюро утверждал, что «мы отказались от оценки по простым количественным критериям и теперь проводим четкое разделение между теми многодетными семьями, которые являются благом для себя и своего народа, и остальными многодетными асоциальными семьями, которые представляют собой тяжкое бремя для жизни нации»²⁶. В 1937 г. двести членов Лиги (в основном мужчин) получили «почетные карточки», дававшие им право на специальные семейные пособия. В 1939 г. была учреждена почетная награда для матерей, имевших четырех и более детей, – медаль «Материнский Крест» (без денежного вознаграждения); ограничительные критерии для ее получения были менее жесткими, чем для тех наград, которые были связаны с материальными выплатами, и поэтому к 1944 г. такие медали имело уже пять миллионов матерей.

Результаты пронаталистской пропаганды и мер по социальной помощи, предназначенных для того, чтобы способствовать повышению рождаемости, были скромными. Процент рождаемости, один из самых низких в мире в 1933 г., увеличился на одну треть к 1936 г. (от 14,7 до 19 на тысячу; чистый процент рождаемости вырос с 0,7 до 0,9), достигнув уровня конца 1920-х гг.; затем он почти не менялся и вновь упал во время Второй мировой войны. Этот рост в основном был обязан тем парам, которые из-за экономического спада не могли вступить в брак и иметь детей, хотя и хотели, и которые нагнали упущенное, когда ситуация с занятостью улучшилась. Только четверть лиц, вступивших в брак, попросили семейное пособие. Речь шла, главным образом, о супружеских парах, которые желали детей, мать которых в любом случае прекратила бы работу после замужества, и о тех, кто не боялся, что во время обязательного медицинского обследования найдут какой-нибудь изъян, который приведет к стерилизации. Семьи, получавшие ссуду, в большинстве случаев пользовались сокращением процента только после рождения их первого ребенка, даже если они затем имели и других детей, поскольку предпочитали выплатить весь долг сразу. Семейные пособия не привели к увеличению числа рождений. Процент замужних женщин с четырьмя и более детьми (число, которое нацистские демографы установили как соответствующее «долгу» «полноценных» женщин) упал с 25 % в 1933 г. до 21 % в 1939 г. 31 % пар, возникших в 1933 г., не имел детей в 1938 г.²⁷ Те, которые поженились после 1933 г., сократили число детей до одного, двух или трех; как и в других индустриальных странах, демографическая тенденция осталась, таким образом, неизменной после прихода нацистов к власти. Поведение двух особых групп населения прекрасно иллюстрирует границы и специфику пронаталистской политики нацистов. Отношение функционеров партии, точнее, «чистокровных» немцев, близких к национал-социализму и особенно вовлеченных в эту политику, свидетельствует, что если они и были убеждены в несомненном благе ее пронаталистских целей, то только касательно других, а не их самих. Нацистские демографы сожалели, что среди функционеров партии, вступивших в брак между 1933–1937 гг., у 18 % не было детей в 1939 г., у 42 % был только один, а у 29 % – лишь двое. Среди эсэсовцев в 1942 г. было 61 % холостяков; а женатые в среднем имели каждый по 1-1,1 ребенка, почти как и врачи – профессия, самая распространенная среди членов партии и эсэсовцев. Очевидно, что приверженность национал-социализму членов элиты и число их детей находились в обратно пропорциональной зависимости. С другой стороны, существовала группа, у представителей которой число детей превышало средние показатели: это были семьи, которым отказывали в брачных ссудах и в семейных пособиях из-за «плохого» поведения и которых зачисляли в категорию «многодетных асоциальных семей». Нацистские демографы нередко сожалели, что половина семей, имевших число детей выше среднего уровня, принадлежало к категории «нежелательных»²⁸.

Во время Второй мировой войны, когда средний показатель рождаемости понижался, было два пика бэби-бума, которые тогда стали предметом многочисленных комментариев. В 1939 г. запретили профессионально активным женщинам, особенно из рабочего класса, добровольно уходить с работы, за исключением случаев беременности, так как военная промышленность испытывала в них насущную потребность. В 1943 г. беременные женщины и молодые матери были исключены из списков лиц, подлежащих трудовой повинности. В этих двух случаях многие немецкие женщины делали выбор скорее в пользу материнства, чем в пользу войны (между 1939 г. и 1941 г. число работающих женщин снизилось до полумиллиона, но затем вновь возросло до восьмисот тысяч в 1944 г.). Очевидно, что личная стратегия женщин, рожавших детей, чтобы избежать работы на войну, шла вразрез с политической стратегией в отношении «низших» женщин Восточной Европы: заставлять их тяжело трудиться, чтобы они не могли иметь потомства.

Нацистская пропаганда в пользу возрождения семьи и «роли матерей в общественной жизни и в семье» разочаровала многих немецких женщин, в том числе тех (и их было немало), которые голосовали за национал-социалистическую партию в 1932 г., может быть, надеясь – как это произошло с женщинами и в других странах, – что политика в пользу рождаемости была средством улучшения статуса матерей и женщин. Она разочаровала как мужчин, так и женщин, которые не принимали всерьез другие цели, заявленные нацистской пропагандой, а именно – касающиеся расовой политики. Будь то в пропаганде или в политической практике, антинационализм одержал верх над пронатализмом; меры социальной помощи сконцентрировались на помощи отцовству, женщины же оставались объектом благотворительной деятельности партии и организаций, призванных поддержать элиту. Мероприятия в пользу семьи и детей не распространялись на евгенически и этнически «низшие» категории. Вектором демографической нацистской политики (демонстрирующим ее явные противоречия и колебания) был не «пронатализм и культ матери», но антинационализм, культ отцовства и культ вирильности.

Что касается «полноценного населения», то нацистская политика семьи не способствовала росту рождаемости, хотя, по крайней мере, до войны, и породила веру в способность режима преодолеть экономический кризис. В то время как политики надеялись, что социальные акции в пользу детей увеличат их численность, многие мужчины и женщины воспринимали их только как реформу, призванную компенсировать их низкие доходы и помочь им выжить с тем количеством детей, какое они желали иметь. Хотя политика стерилизации была далеко не популярной, мало людей беспокоило о ее жертвах или же о тех, кто был исключен из системы социальной поддержки «немецких и генетически здоровых» семей. Сама по себе помощь семье не свойственна национал-социализму, тем более она не является составляющей нацистского расизма. Она вписывалась в более широкий процесс движения к современному «государству всеобщего благоденствия». Но национал-социализм связывал ее с расистской политикой в той мере, в какой он

исключал из сферы помощи «низших людей». В этом смысле нацистская политика «возрождения» расы была не политикой поддержки семьи и уважения к материнству, но политикой, сущность которой была направлена на разрушение традиционных семейных ценностей.

И другие аспекты нацистской демографической политики шли вразрез с традиционной семейной жизнью. Например, в 1938 г. новый закон разрешил развод в случае «наследственных болезней, стерилизации или бесплодия одного из партнеров»; последствия были серьезными для замужних женщин, особенно пожилых, и многие женщины выражали протест. Попытки нацистов разделить немецкое население по группам от детей до стариков в рамках *однополых* организаций были также восприняты как форма агрессии против семьи. Один из анекдотов того времени намекал на это разрушение семьи: «Мой отец – член СА, мой старший брат – эсэсовец, мой младший брат – член Гитлерюгенда, моя мать состоит в Национал-социалистической лиге женщин, а я – в Лиге немецких девушек». – «Но когда же вы встречаетесь?» – Один раз в год на партийном конгрессе в Нюрнберге»²⁹.

Политика, власть и национал-социалистические женские организации

В Веймарской Германии процент женщин в нацистской партии был меньше, чем в других партиях; в 1934 г. он равнялся 5,5 %. В 1935 г. партия считала, что 40 % мужчин и 70 % женщин в ней были «пассивными» членами. Большее число активных женщин состояло в Национал-социалистической лиге женщин (*Nationalsozialistische Frauenschaft*), НСЛЖ, созданной в 1931 г. в результате объединения различных локальных, относительно автономных групп, боровшихся за национальное возрождение или за национал-социализм. Эта организация стала филиалом партии в 1935 г., когда она уже насчитывала более двух миллионов членов против ста десяти тысяч в конце 1932 г. Руководимая с 1934 г. «лидером женщин Рейха» Гертрудой Шольц-Клинк, она ставила целью объединить элиту нацистских женщин и практически прекратила, начиная с 1936 г., прием новых членов. Ее задачей было организовать немецких женщин, независимо от мужчин, и воспитать их для национальных и политических свершений. Масса немецких женщин (их было около *двадцати четырех миллионов* в возрасте старше двадцати лет, а после аннексий 1938 г. их стало тридцать восемь миллионов) должна была объединиться в рамках Организации немецких женщин (*Deutsches-Frauenwerk*), ОНЖ, также руководимой Г. Шольц-Клинк, но официально не являющейся подразделением партии. При ее создании ОНЖ формировалась не по принципу индивидуального, а по принципу коллективного членства тех женских организаций Веймарской эпохи, которые не были распущены, но «скоординированы» (*gleichgeschaltet* – процедура, которая в первую очередь повлекла за собой исключение еврейских женщин); к ОНЖ присо-

единились все клубы досуга и социальные организации, созданные после 1933 г., кроме, естественно, Лиги еврейских женщин, распущенной в 1938 г. К этой дате ОНЖ насчитывала около четырех миллионов членов, пришедших из названных организаций, и, несмотря на интенсивную кампанию по пополнению своих рядов, менее двух миллионов вступивших на индивидуальной основе, из которых половину составляли немки из аннексированной Австрии и Чехословакии³⁰. Небольшое число членов НСЛЖ (10 % в 1935 г.) и еще меньше из ОНЖ, не считая трети их руководящего персонала, вступили в партию, где доминировали мужчины. В 1938 г. управленческая структура этих организаций насчитывала около трехсот двадцати тысяч женщин. По мнению ведущей исследовательницы женских нацистских организаций Джилл Стефенсон, эти цифры показывают, что женщины, особенно по сравнению с мужчинами, были слабо вовлечены в национал-социалистическое движение, вопреки заявлению Г. Шольц-Клинк, которая утверждала в 1934 г., что она объединила «всех немецких женщин под единым руководством». Д. Стефенсон также подчеркивает слабое политическое влияние женских организаций, пассивность и неактивность многих женщин, как их членов, так и не членов, и факт их неучастия в преступлениях нацизма³¹. Тем не менее эти цифры заслуживают внимания в контексте женской и гендерной истории.

На начальном этапе нацистского движения его женщины-лидеры, как и лидеры-мужчины, разделяли более радикальные взгляды, чем позже. Сначала определенное их число восставало против исключительно мужской основы движения и требовало предоставить женщинам значительную роль в новом государстве, в том числе обеспечить им доступ к труду, к либеральным профессиям и политической жизни. Кроме того, они обвиняли «прежнее» женское движение за то, что оно сконцентрировалось на защите прав меньшинства пожилых женщин, принадлежавших к среднему и обеспеченному классам. Понимая буквально национал-«социализм», они настаивали на участии в общественной жизни женщин всех классов, в том числе и матерей. Некоторые из них требовали, чтобы семейные пособия выплачивались матерям, сожалея, что мужчины-нацисты отдавали дань культуре материнства лишь на словах, и критиковали планы предоставления семейных пособий исключительно отцам³². Начиная с 1934 г., эти голоса умолкли. Организация Г. Шольц-Клинк и, в частности, два ее главных отделения (*Volkswirtschaft/Hauswirtschaft* и *Reichsmütterdienst*) посвятили себя, главным образом, воспитанию женщин для семейного очага и материнства; начиная с 1937 г., она стала проявлять заботу, хотя и не систематическую, о поддержке женщин в сфере высшего образования и об ориентации студенток на выполнение «социалистических» задач, таких, как помощь женщинам-рабочим на производстве и в семье.

На ранней стадии движения женские нацистские группы и их лидеры часто открыто высказывались против господства мужчин, но и в ранний, и в более поздний периоды они отдавали приоритет национальному и этническому возрождению, часто выражавшемуся в антисемитской полемике. Г. Шольц-Клинк лично

настаивала, что «женский вопрос» занимает второе место после борьбы против этнического «вырождения» и жертвования собой ради «нашего народа» и что в этой борьбе и в этом жертвовании женщины должны участвовать вместе с мужчинами. С ее точки зрения, прежнее женское движение совершало ошибку, когда «выделяло женщин в качестве особой группы внутри народа», и она утверждала, что сотрудничество полов важнее специфически «женских проблем». Хотя женщины должны оставить политику мужчинам, им, тем не менее, следует учиться «мыслить политически», а это означает, что они «должны спрашивать, не что национал-социализм может сделать для них, но что они могут сделать для национал-социализма». Они должны быть прежде всего немцами и только затем женщинами. В такой перспективе гендерное различие рассматривалось не как различие цели, идентичности или интересов (как в целом, так и относительно нацистского движения), а только как разделение задач в рамках реализации одной и той же цели; ссылаясь на лозунг нацистского, мужского по своей сути, движения, Г. Шольц-Клинк подчеркивала, что женщинам, как и мужчинам, следует стать «прямоугольными в теле и душе». Нацистские женщины-лидеры страстно настаивали на предполагаемом различии немецкой и немецкой, национал-социалистической и не нацистской науки, методологии и истории, но они утверждали, что не существует «какого-либо гендерного различия в научном подходе», «какого-либо специфически «женского» стремления к знанию» и «какого-либо особого «женского» метода» в исследовательской сфере. Более важно, что материнство и брак – общий знаменатель женщин всех классов – должны быть вписаны в новые расовые и стерилизационные законы, которые связывают матерей и бездетных женщин с судьбой «народа»³³.

НСЛЖ/ОНЖ пыталась организовывать и воспитывать прежде всего домохозяйек и матерей; они очень неохотно шли за нацизмом, по крайней мере, потому, что часто были связаны с церковью³⁴. НСЛЖ/ОНЖ удалось достучаться до них вне пределов собственной организации через курсы матерей Имперской службы материнства (ИСМ). Женщин обучали правилам гигиены, ведению хозяйства (в основном немецкой кухне в свете потребности Германии в самообеспечении), шитью, заботе о новорожденных, воспитанию детей и немецкому фольклору. Работа инструкторов полностью или частично оплачивалась, или они были добровольцами (штат оплачиваемых служащих насчитывал три с половиной тысячи женщин, получавших зарплату частью от правительства, но в основном от благотворительных фондов). Во время войны НСЛЖ организовала систему соседской помощи. Между 1934 г., когда была создана ИСМ, и 1944 г. курсы матерей прошли пять миллионов женщин. Женщин делили на классы приблизительно по двадцать человек в каждом; 24-часовой курс проходили за десять дней. Прежде такое обучение, если оно и имело место, было доступно только городским женщинам, но ИСМ также направляла инструкторов в сельскую местность. Курсы посещали почти в равной пропорции и замужние и незамужние женщины. В 1937 г. среди их активных

участников 37 % были «голубыми воротничками», а 45 % – «белыми воротничками»; среди замужних женщин 34 % состояло в браке с «голубыми воротничками» и 17 % – с «белыми воротничками». Занятия по фольклору посещались менее всего; более половины участниц выбирало семейные курсы и курсы по уходу за младенцами. Вероятно, что такие курсы отчасти способствовали значительному падению детской смертности в этот период³⁵.

В то же самое время курсы здоровья использовались для проведения «расовой и демографической политики», являвшейся элементом более широкого явления – национал-социалистического нацизма. Осуществление расовой политики, начиная со стерилизации и кончая акциями массового уничтожения, прежде всего возлагалось на органы здравоохранения и на медицинский корпус – докторов, психиатров и генетиков. Г. Шольц-Клинк не подвергала сомнению определяющее значение «расовой и демографической политики» при «духовном воспитании» клиентуры ее организации. Временами она выражала сожаление по поводу общего отсутствия у женщин симпатии к политике стерилизации и призывала приложить особые усилия, чтобы убедить женщин-католичек из рабочего класса принять стерилизацию (католички чрезвычайно яростно сопротивлялись стерилизации и по этой причине выступали против ИСМ; в результате Организация матерей-католичек была запрещена в 1935 г.). С самого начала в программу обучения матерей была включена «наследственная гигиена». В 1935 г. Г. Шольц-Клинк стала членом Экспертного комитета по демографической и расовой политике при Министерстве внутренних дел, главного консультативного органа в этой сфере, и в 1936 г. она создала отдел «расовой политики» в ОНЖ. Начиная с 1935 г., эксперты (обычно мужчины), такие, как глава Бюро расовой политики нацистской партии, проводили инструктаж руководителей НСЛЖ на эту тему в Берлинском университете политических наук. Еврейские женщины, «неизлечимо больные» и женщины, страдавшие умственным или психическим расстройством, не могли стать членами НСЛЖ/ОНЖ³⁶.

Хорошо организованные в центре и на местах курсы по подготовке учителей оказались самыми эффективными в рамках элитарной организации НСЛЖ, и почти триста восемьдесят тысяч женщин, специально подготовленных к 1938 г., превратились в важных пропагандистов нацистской идеологии среди членов ОНЖ и, возможно, также за ее пределами. Но большая часть тех миллионов женщин, которые закончили местные курсы педиатрии, кажется, не восприняли идею «заботы о расе и наследственности» слишком серьезно. Даже на высшем уровне подготовки преподавателей при НСЛЖ интерес к проблемам расы, наследственности и евгеники был ограниченным. Специальные «расово-политические» курсы привлекали менее одной десятой руководителей НСЛЖ, остальные же предпочитали обычные курсы по домашнему хозяйству, воспитанию детей, социальной поддержки, благотворительности и системе соседской помощи; то же верно и для участниц курсов на местном уровне. Хотя ссылки на «расовую и демографическую» политику изобиловали в пропаганде и учебных материалах НСЛЖ/ОНЖ, в них редко

упоминались стерилизация и антисемитизм. В этом отношении они отличались, например, от утвержденных государством школьных учебников для девочек (мы, конечно, не знаем, что говорилось в классах). Публикации НСЛЖ/ОНЖ не содержали антисемитской порнографии, столь излюбленной в публикациях известных нацистских авторов-мужчин³⁷. Это не значит, что руководительницы НСЛЖ и ОНЖ верили в нацистскую расовую политику меньше своих коллег-мужчин; скорее, им приходилось приспосабливаться к более прагматическим и более гуманным нуждам их женской клиентуры. Самые жесткие сторонники расового оздоровления предпочитали печататься и действовать вне рамок НСЛЖ/ОНЖ, плечо к плечу с мужчинами.

НСЛЖ/ОНЖ имели мало влияния при нацистском режиме, даже среди женщин. Иногда их лидеры заявляли, что их ряды объединяют двенадцать миллионов женщин (иногда даже, что «всех германских женщин») на основе женских задач и под женским руководством. Это была неправда. Большинство женщин, участвовавших в нацистских организациях, находились под началом мужчин, часто к неудовольствию руководства НСЛЖ/ОНЖ, которому запрещали принимать в организацию девушек от десяти до двадцати лет. На его долю оставались девочки моложе десяти лет и молодые женщины от двадцати одного года до тридцати. Таким образом, женщины-лидеры столкнулись с той же самой проблемой поколений, которую они столь остро критиковали, нападая на женское движение Веймарской эпохи. Лига германских девушек (*Bund Deutscher Mädel*) являлась частью смешанного, хотя и с внутренней сегрегацией, Гитлерюгенда под мужским руководством, и членство в ней стало обязательным с 1936 г. Большинство из тех двенадцати миллионов женщин, которых, как заявляла Г. Шольц-Клинк, она возглавляла, находились под ее руководством лишь номинально и, в действительности, были инкорпорированы в смешанные и возглавлявшиеся мужчинами организации. На сельских домохозяйек претендовала организация Имперское сельское сословие. Четыре миллиона женщин-рабочих являлись членами Трудового Фронта Роберта Лея, и именно эта организация, а не НСЛЖ/ОНЖ иногда проводила кампании за повышение оплаты женского труда и в защиту материнства. Женщины-учительницы, студентки, доктора, девушки из Службы Труда принадлежали каждая к соответствующим смешанным организациям. Даже местные активистки НСЛЖ менее зависели от центрального женского руководства, чем от региональных партийных лидеров-мужчин³⁸. НСЛЖ/ОНЖ не могла обеспечить даже чрезвычайно необходимую поддержку матерям; за исключением большого количества детских садов, созданных ею, она предлагала только «духовное воспитание». Ее лидеры не пытались даже участвовать в разработке законов 1935-1936 гг. о предоставлении отцам детских пособий (хотя они гордились законом 1942 г. о защите работающих матерей). Матери получали материальную поддержку не от государства и не от женских *организаций*, а от возглавлявшейся мужчинами благотворительной организации нацистской партии, которая обеспечивала, помимо других по-

собий, помощь нуждающимся матерям и создавала детские сады для детей работающих матерей. При нацистском режиме даже материнство и благотворительность, которые прежнее женское движение считало «женской сферой» с обязательным женским руководством, оказалось под руководством мужчин.

Во время Второй мировой войны НСЛЖ как организация не принимала участия в массовых уничтожениях людей и геноциде. Одна из главных ее задач в то время заключалась в том, чтобы помочь женщинам, часто очень эффективно, выжить в сложных условиях авианалетов и эвакуаций. Но другой ее задачей было предотвратить контакты (и избежать сексуальных связей) германских женщин с миллионами восточно-европейских рабочих – как мужчин, так и женщин; иногда она доносила на женщин, нарушивших эти строгие запреты. Эти усилия в основном остались тщетными, и до конца войны нацистские власти продолжали сокрушаться об общем отсутствии у женщин «расового сознания» в этой области и пытались развить его с помощью большого числа смертных приговоров³⁹. Тем не менее, идеологическая обработка НСЛЖ, возможно, весьма способствовала тому, что большинство немок не боролись активно против национал-социализма и его расовой политики. Их приверженность к материнству, частной жизни и семейным ценностям редко порождала у них обеспокоенность по поводу тех мужчин и женщин, которых режим лишил всего этого. Женское сопротивление остается в сущности еще не исследованной областью. Женщины, по-видимому, сыграли важную и недооцененную роль в организациях сопротивления, руководимых мужчинами. Отдельные случаи женского сопротивления показывают, что оно часто отличалось от мужского, было менее структурированным и организованным. Сопротивление женщин включало, например, помощь жертвам преследований (они укрывали их и поддерживали). Та сфера, в которой их сопротивление было наиболее эффективным, не привлекала внимания тайной полиции и других нацистских властей, и от их деятельности осталось гораздо меньше письменных источников, чем от деятельности возглавляемых мужчинами антинацистских организаций⁴⁰. Но пока новые исследования не докажут обратного, кажется, что сопротивление среди немецких женщин было не более распространено, чем среди мужчин.

¹ См.: Die Lage der Juden in Deutschland, 1933 (ed. par Comité des Délégations Juives). Paris, 1934 (repr.: Frankfurt; Berlin; Wien, 1983). S. 468; Marion Kaplan. The Jewish Feminist Movement in Germany. The Campaigns of the Jüdischer Frauenbund, 1904–1938. Westport (Conn.); London: Greenwood Press, 1979. Ch.3 and P. 114–115.

² См.: Richard Walther Darré. Neuadel aus Blut und Boden. München, 1930. S. 169–171; Alfred Grotjahn. Geburten-Rückgang und Geburten-Regelung im Lichte der individuellen und sozialen Hygiene. Berlin, 1914. S. 144–145; Ann Taylor Allen. German Radical Feminism and Eugenics, 1900–1918 // German Studies Review. Vol. 11. 1989. P. 31–56 (особенно P. 45–46).

- ³ См.: Rita R. Thalmann. Jüdische Frauen nach dem Pogrom von 1938 // Die Juden im nationalsozialistischen Deutschland: The Jews in Nazi Germany, 1933–1943 / Hrsg. von Arnold Paucker. Tübingen: Mohr, 1986. S. 295–302; Claudia Huerkamp. Jüdische Akademikerinnen in der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus // Geschichte und Gesellschaft. Bd. 19. 1993. N 3; Raul Hilberg. The Destruction of the European Jews. New York: Holmes & Meier, 1985. Vol. 1–3.
- ⁴ Wilhelm Frick. Bevölkerungs- und Rassenpolitik. Berlin, 1933. S. 3–8.
- ⁵ См.: Robert Lay Lifton. The Nazi Doctors. Medical Killing and the Psychology of Genocide. New York: Basic Books, 1986. P. 22. Предыдущие цитаты приведены по изданию: Arthur Gütt, Ernst Rüdin und Falk Ruttke. Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses vom 14. Juli 1933. München, 1934. S. 60.
- ⁶ См.: Gisela Bock. Zwangssterilisation im Nationalsozialismus. Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986. S. 351–362, 453–456; Theresia Seible. Aber ich wollte vorher noch ein Kind // Courage. N 6. Mai 1981. P. 21–24.
- ⁷ Arthur Gütt, Ernst Rüdin und Falk Ruttke. Op. cit. S. 5, 176.
- ⁸ Подробнее см.: Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 357, 412.
- ⁹ См.: Lothar Gruchmann. «Blutschutzgesetz» und Justiz // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 31. 1983. S. 418–442. Цитаты взяты из разных женских газет того времени, брошюр и школьных учебников и приводятся по изданию: Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 129–133; ср.: Barbara Greven-Aschoff. Die bürgerliche Frauenbewegung in Deutschland, 1894–1933. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1981. Ch. II–III.
- ¹⁰ Hans-Walter Schmuhl. Rassenhygiene, Nationalsozialismus, Euthanasie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. S. 40.
- ¹¹ См.: Robert Lay Lifton. Op. cit. P. 159 (см. также: P. 15, 147); Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen des Rudolf Höss / Hrsg. von Martin Broszat. München: DTV, 1963. S. 127; Raul Hilberg. Op. cit. Vol. 1. P. 332–334.
- ¹² См.: Joan Ringelheim. Verschleppung, Tod und Überleben: Nationalsozialistische Ghetto-Politik gegen jüdische Frauen und Männer im besetzten Polen // Nach Osten: Verdeckte Spuren nationalsozialistischer Verbrechen / Hrsg. von Theresa Wobbe. Frankfurt: Neue Kritik, 1992. S. 135–160; см. также: Idem. Women and the Holocaust // Signs. N 10. 1985. P. 741–761; Nationalsozialistische Massentötungen durch Giftgas / Hrsg. von Eugen Kogon et al. Frankfurt: Fischer Verlag, 1986. S. 88, 91, 93–97, 105–108, 122, 131, 134, 158, 210–215.
- ¹³ Lucie Adelsberger. Auschwitz. Ein Tatsachenbericht. Berlin, 1953. S. 126–128. См. также: Jercy Ficowski. Die Vernichtung // In Auschwitz vergast, bis heute verfolgt: Zur Situation der Roma (Zigeuner) in Deutschland und Europa / Hrsg. von Tilman Zülch. Reinbek: Rowohlt, 1979. S. 135–136.

- ¹⁴ Robert Jay Lifton. Op. cit. P. 462; см. также: P. 193–196, 199, 231, 312–321, 443.
- ¹⁵ Heinrich Himmler: Geheimreden 1933–1945 und andere Ansprachen / Hrsg. von Bradley F. Smith und Agnes F. Peterson. Frankfurt; Berlin; Wien, 1974. S. 169–201.
- ¹⁶ Eberhard Jäckel. Die elende Praxis der Untersteller // «Historikerstreit». Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München: Piper, 1987. S. 118. Э. Нольте доказывает, что женщин не следует особо выделять в этом отношении, поскольку их роль жертв расовой борьбы самоочевидна (Ibid. S. 229–230).
- ¹⁷ Claudia Koonz. Mothers in the Fatherland: Women, the Family, and the Nazi Politics. New York: St. Martin's Press, 1987. P. 405. О связи карьерной и профессиональной стратегии женщин с их участием в осуществлении расовой политики см.: Reimar Gilsenbach. Wie Lolitschai zur Doktorwürde kam // Feinderklärung und Prävention / Hrsg. von Wolfgang Ayass et al. Berlin: Rotbuch Verlag, 1988. S. 101–134; статью Г. Фридлендера (см.: Women Surviving the Holocaust / Ed. Esther Katz und Joan M. Ringelheim. New York: Institute for Research in History, 1983. P. 115–116); Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 208; Gudrun Schwartz. Verdrängte Täterinnen: Frauen im Apparat der SS (1939–1945) // Nach Osten... S. 197–227.
- ¹⁸ Reinhard Kühnl. Der deutsche Faschismus in der neuerer Forschung // Neue Politische Literatur. Bd. 28. 1983. S. 71. См. также: Claudia Koonz. Op. cit. Ch. I and XI.
- ¹⁹ Министр пропаганды Й. Геббельс и министр внутренних дел В. Фрик цитируются по: Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 120, 153; см. также: Claudia Rupp. Mobilizing Women... P. 32–33. Статистика приговоров по делам об абортгах взята из «Статистического ежегодника Германской Империи» (Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Bd. 45–59); см.: Gisela Bock. Op. cit. S. 160–163, 388. Согласно данным современных австрийских исследователей, некоторое число смертных приговоров было приведено в исполнение и в аннексированной Австрии.
- ²⁰ См.: Gisela Bock. «Keine Arbeitskräfte in diesem Sinne»: Prostituierte im Nazi-Staat // Wir sind Frauen wie andere auch / Hrsg. von Pieke Biermann. Reinbeck: Rowohlt, 1980. S. 70–106.
- ²¹ См.: David Victor Glass. Population Policies and Movements in Europe. London, 1940 (repr.: London, 1967); Maternity and Gender Policies: women and the Rise of the European Welfare States, 1880s–1950s / Eds. Gisela Bock and Pat Thane. London: Routledge, 1991.
- ²² См.: Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 169–177 (цитата на стр. 170).
- ²³ См.: Gabriele Czarnowsky. Das kontrollierte Paar. Berlin, 1991.
- ²⁴ См.: Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 156–172. Э. Хильгенфельдт цитируется по: Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 174.
- ²⁵ См.: Georg Lilienthal. Der «Lebensborn e. V.». Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 1985.

- ²⁶ Walter Gross. Unsere Arbeit gilt der deutschen Familie // Nationalsozialistische Monatshefte. Bd. 9. 1939. S. 103-104.
- ²⁷ Эти и приводимые ниже демографические данные содержатся в книге: Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 143-144, 151-152, 156-157, 168.
- ²⁸ Wolfgang Knorr. Praktische Rassenpolitik // Volk und Rasse. Bd. 13. 1938. S. 69–73; Friedrich Burgdörfer. Geburtenschwund. Heidelberg, 1942. S. 157–184.
- ²⁹ См.: Dirk Blasius. Ehescheidung in Deutschland 1794–1945. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. Ch. 7; Hans-Jochen Gamm. Der Flüsterwitz im Dritten Reich. München: DTV, 1979. S. 23; Leila J. Rupp. Mobilizing Women... P. 38-39.
- ³⁰ См.: Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 139-157; Michael H. Kater. Frauen in der NS-Bewegung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 31. 1983. S. 202-239.
- ³¹ Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 18, 154-155, 178-181, 206-207. См.: Gertrud Scholtz-Klink. Rede an die deutsche Frau (1934), переизданной в 1978 г. (Gertrud Scholtz-Klink. Die Frau im Dritten Reich. Eine Dokumentation. Тьbingen: Grabert, 1978. S. 498).
- ³² Deutsche Frauen an Adolf Hitler / Hrsg. von Irmgart Reichenau. Leipzig, 1933. S. 7, 15, 37; Charlotte Heinrichs. Besoldung der Mutterschaftsleistung // Die Frau. N 41. 1934. S. 343-348.
- ³³ Gertrud Scholtz-Klink. Op. cit. S. 131, 364, 379, 402, 486-497, 500-505, 526.
- ³⁴ См.: Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 17-18, 168, 170-171; Michael Phayer. Protestant and Catholic Women in Nazi Germany. Detroit: Wayne State University Press, 1990.
- ³⁵ См.: Gertrud Scholtz-Klink. Op. cit. S. 157, 173, 177, 180; Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 154, 164-165, 170-171.
- ³⁶ Gertrud Scholtz-Klink. Op. cit. S. 69, 93, 95, 107, 156, 159, 211. См. также: Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 152.
- ³⁷ См.: Gertrud Scholtz-Klink. Op. cit. S. 500-501; Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 154-161; Leila J. Rupp. Mobilizing Women... P. 36-37.
- ³⁸ См.: Gertrud Scholtz-Klink. Op. cit. S. 76; Jill Stephenson. The Nazi Organisation... P. 83-84, 117, 132, 140-147, 157-162.
- ³⁹ См.: Leila J. Rupp. Mobilizing Women... P. 124-125; Ulrich Herbert. Fremdarbeiter. S. 79-81, 122-124; Gisela Bock. Zwangssterilisation... S. 438-440.
- ⁴⁰ См.: Gitte Schefer. Wo Unterdrückung ist, da ist auch Widerstand // Mutterkreuz und Arbeitsbuch. Zur Geschichte der Frauen in der Weimarer Republik und im Nationalsozialismus. Frankfurt: Fischer, 1981. S. 273-291.